

**П. А. КОЛЕСНИКОВ – АРХЕОГРАФ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

В июне 1967 г. в г. Вологде состоялась конференция по истории крестьянства и сельского хозяйства Европейского Севера СССР. Она завершила двухлетнюю подготовительную работу по учреждению Вологодского проблемного объединения по аграрной истории, а возглавлял эту работу доцент Вологодского педагогического института П. А. Колесников. Своей целью оно ставило координацию изучения истории крестьянства и сельского хозяйства на Европейском Севере страны. Региональное объединение мыслилось как постоянный научный центр, согласованно действующий с Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР и оргкомитетом Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы при отделении истории АН СССР. Одной из первостепенных задач стало вовлечение в научный оборот массовых исторических источников¹. В марте 1969 г. постановлением бюро Отделения истории АН СССР было создано на общественных началах Северное отделение Археографической комиссии с центром в Вологде².

Возглавил оба научных объединения П. А. Колесников. Он направил организационные старания на привлечение к работе ученых и на создание творчески настроенного, действенного коллектива единомышленников, который объединял представителей академических институтов, вузов, архивов, музеев. Залог успешной деятельности в изучении широкого круга проблем истории Европейского Севера от древности до современности П. А. Колесников видел в объединении усилий разных специалистов, не только историков, экономистов, но и археологов, этнографов, филологов, искусствоведов, а также краеведов и учителей. Таких специалистов уже к 1970 г. насчитывалось более 100 человек³.

Сферой исследовательского интереса самого П. А. Колесникова была социально-экономическая история российского Севера, ставшего для него поистине родным. В условиях существования советской исторической науки 1950–1980-х гг. приверженность к социально-экономической тематике была понятна. Это было также время ввода в историческую науку разнообразных источников. Достаточно назвать фундаментальные публикации: Русской Правды, Судебников, духовных и договорных грамот, актов Новгородской и Северо-Восточной Руси. Архивы хранят обширные комплексы разных описаний – писцовых, пере-

писных книг и сопутствующих им материалов XVI–XVIII вв., в том числе по северным уездам. Публикации писцовых материалов, принятые в свое время С. Б. Веселовским⁴, не исчерпывали всего их богатства по территориям Севера. Группа ленинградских историков под руководством А. Л. Шапиро на рубеже 1960–1970-х гг. обнародовала результаты обработки новгородских писцовых книг и полученный на их основе опыт моделирования доходов землевладельческих и крестьянских хозяйств во второй половине XV – начале XVI в.⁵ Благодаря многолетней работе коллектива, исследователи получили в свое распоряжение большой массив информации, извлеченной из писцовых описаний, а также базирующихся на ней важных хозяйственных характеристик по обширному региону Северо-Запада России, который включает часть территории Архангельской области, в прошлом Подвиге с Вагой. Правомерна высокая оценка, которую дала работе ленинградских ученых Н. А. Горская. «И сейчас, 20 лет спустя, трехтомник остается наиболее полным и источниковедчески мастерским проникновением в материал источников XV–XVI вв.» (правда, ряд подсчетов в нем вызывает сомнения)⁶. П. А. Колесников наладил научную связь с сотрудниками ленинградского коллектива под руководством А. Л. Шапиро. Он также поддерживал тесные творческие и личные контакты с А. И. Копаневым, Ю. Г. Алексеевым. Не ошибусь, если скажу, что ученые могли неоднократно обсуждать насущные направления деятельности обоих Вологодских объединений. А. И. Копанев сразу же стал активно сотрудничать в его первых изданиях и как исследователь, и как публикатор источников⁷.

Одной из значительных задач, которую ставили перед собой северные объединения, стала работа в области археографии. Она началась с публикации источников XVI–XVIII вв., а именно – материалов писцовых описаний северных уездов XVI в. Писцовым и переписным материалам XVI–XVIII вв. историки тогда придавали первостепенное значение. На VIII сессии межреспубликанского Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1965 г. П. А. Колесников делал доклад на тему: «Писцовые книги и материалы генерального межевания как источники для изучения уровня земледельческого производства в XVII–XVIII вв.»⁸. Ввиду недостаточности публикаций писцовых книг среди массовых источников по северным уездам, Северная археографическая комиссия сосредоточилась на их выявлении в архивах и изданиях⁹.

Первая подобная публикация появилась уже в 1968 г. А. И. Копанев в приложении к статье о структуре двинского землевладения в XV–XVI вв. напечатал сотную из писцовых книг И. П. Заболоцкого на Емецкий стан Двинского уезда середины XVI в. Она содержит описание це-

дственного административного округа, единого по чернососшной структуре землевладения¹⁰. Основывающаяся на несохранившихся полностью писцовых книгах И. П. Заболоцкого 1552–1553 гг. и В. Гагина 1559 г.; Платежная книга всего Двинского уезда 1560 г. была издана А. И. Копаневым, частично полным текстом, частично в виде таблицы. Обзор и краткую характеристику основного содержания писцовых книг Важского уезда XVI–XVII вв. с приложением таблиц, в которых приведены важнейшие итоговые данные описания 1677–1685 гг., представил Ю. С. Васильев¹¹.

Итоги научной конференции, проведенной по инициативе Вологодского проблемного объединения в 1968 г. и посвященной вопросам историографии и источниковедения Севера, отразились в статьях, обзорах и, конечно же, публикациях. Среди них документы архива Куростровской волости, по преимуществу «розрубы», «выборы» XVI в., характеризующие действия волостного схода по раскладке государственных налогов (А. И. Копанев); сотные на основные волости Вымской и Вычегодской земель и царские грамоты об организации управления и сбора податей в них конца XVI в. (А. А. Зимин, А. И. Копанев); сотная на Кодимскую волость Важского уезда середины XVI в. (Ю. С. Васильев). Здесь также помещены переписная книга Леденгского усолья, проданного в 1711 г. Иваном Грудцыным князю А. Д. Меншикову (С. М. Троицкий), три документа о неповиновении крестьян монастырским властям в последней трети XVII в. (З. А. Огризко)¹².

Перу П. А. Колесникова в этом выпуске принадлежит фронтальная разработка на основе писцовых и переписных книг конца XVI – начала XVIII в. вопроса о миграционных процессах в Поморье по наиболее важным показателям: дворовая пустота, ее причины, направления миграций. Массовый материал, сведенный ученым в основательные таблицы, свидетельствует о четко выделяемых периодах внутренней колонизации и миграций за пределы отдельных уездов и самого Поморья. Замедленное развитие производительных сил, рост государственных налогов, правительственные мобилизации, особенно сильные в первой четверти XVIII в., воздействовали на миграции¹³.

Ученый сделал интересное наблюдение, пожалуй, недооцененное литературой. Волостные миры с последней четверти XVII в. «выбраковывали», по его выражению, малоимущих крестьян через мобилизации в рекруты и на работы, освобождаясь от экономически ослабленных сочленов. Такие социально направленные действия создавали для зажиточных крестьян благоприятные условия по приобретению участков неустойчивых хозяйств¹⁴. В подобных фактах, однако, проявляется и стремление волостного мира поддерживать свою платежеспособность на нужном уровне. В. А. Александров в монографии о сельской

общине, рассматривая вопрос о рекрутчине, показал, что феодалы и общины в XVIII в. широко практиковали сдачу в рекруты «всех тех, кто был им не нужен». Общины выработали разные меры, позволявшие им экономическим путем «очищаться» от малосостоятельных крестьян. Существовала также еще внеочередная сдача в рекруты «штрафных», в которые попадали лица, совершившие антиобщественные проступки, пьяницы, но чаще хозяйственно слабые. Этот способ позволял общине избавиться от наиболее бедной части деревни и имел сугубо «хозяйственно-социальный характер»¹⁵. Показательно, что историки независимо друг от друга выявили одинаковые порядки в связи с рекрутчиной, действовавшие на протяжении XVII–XVIII вв. в черносошной и частновладельческой общинах. В жестком поведении типологически разных общин в отношении нетяггоспособных хозяйств улавливается некая нормативная общность.

Отдельный выпуск археографического сборника был специально посвящен изданию писцовых книг, сотниц и платежниц XVI в., которые вкрупне охватили Вологодский, Белозерский, Каргопольский и Двинской уезды¹⁶. Среди его авторов – А. И. Копанев, Ю. С. Васильев, А. А. Амосов, Н. И. Федышин и другие исследователи. Все они исходили из необходимости перейти от эпизодического издания отдельных документов к специальным публикациям вновь выявленных писцовых материалов. Наибольший интерес, конечно, представляют наиболее ранние из них, относящиеся к XVI в. Среди документов преобладают сотные на отдельные владения монастырей: Кирилло-Белозерского 1544 г., Михайловского Архангельского 1552–1554 гг., Антониево-Сийского 1578 и 1593 гг., Николо-Корельского 1587–1588 гг.; на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда 1580–1589 гг., на черносошный Калеский стан Двинского уезда 1586–1567 гг.; волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг., Водлозерскую волость того же уезда 1568–1569 гг. Наряду с ними издана дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. Под руководством П. А. Колесникова группа студентов-историков (среди них был и А. В. Камкин) подготовила для этого тома «Платежную книгу Каргопольского уезда, составленную около 1560 г.» К исходу 1980-х гг. была закончена публикация сотниц по северным городам и уездам.

Наряду с материалами описаний, служившими основой поземельного обложения, публиковались документы следующей ступени в иерархии налогово-финансовых источников, а именно: связанные с раскладкой и уплатой налогов. Среди них особо важны уже упомянутые платежные книги Двинского и Каргопольского уездов 1560 г., Куростровские столбцы XVI в. Не менее значимы памяти о сборе налогов и сборов по Троицкой волости Важского уезда за конец XVI–XVII вв.

опубликованные Ю. С. Васильевым. Тексты наиболее ранних из них за 1593, 1603, 1611; 1622, 1639 гг. и поздний за 1639 г. даны полностью, а для остальных 4-х – лишь начальные части с указанием видов и размеров сборов. По мнению ученого, сборные памяти позволяют судить об окладных и неокладных налогах, в том числе и о мирских сборах, о соотношении последних с государственными податями. Они также могут быть использованы как некая замена плохо сохранившегося писцового материала Важского уезда первой половины XVII в.¹⁷

Знаменательно издание веревной книги Паниловской волости 1912 г. причем полностью, которую ввела в науку в 1870-е гг. А. Я. Ефименко. А. И. Копанев квалифицировал этот источник как документ, составленный крестьянами по их инициативе. «Верёвные книги», фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел «по земле»). Особенная ценность веревных книг среди документов подобного рода, нацеленных на уплату налогов, состоит как раз в том, что в них зафиксированы результаты измерения каждого из земельных участков любого дворохозяина в волости и их оклад. Очень важен сделанный А. И. Копаневым вывод, в корне пересматривающий положение А. Я. Ефименко, основывающееся на этой веревной книге. Она считала сущностью поземельного устройства деревни доленое владение участками, развившееся путем разложения целостного владения родового двора. Каждый дворохозяин имел не кусок земли, а лишь право на его идеальную долю. А. И. Копанев убедительно показал, что измерение всех лоскутов, кусков, полос, закраин каждого двора, а значит и отграничение, позволяло хозяевам отчуждать их частями. Это свидетельство реальности владения землей, и теория долевого владения деревни А. Я. Ефименко не подтверждается.¹⁸

П. А. Колесников организовал публикаторскую деятельность так, чтобы исследователи получили архивный материал по истории крестьян и сельского хозяйства обширного северного региона за длительный хронологический период. Он осознавал невозможность полной публикации писцовых книг XVII в. из-за их огромного массива. Однако ученый стремился дать писцово-переписной материал для адекватного суждения о земледельческом производстве и аграрном развитии Европейского Севера. Эту задачу П. А. Колесников воплотил в сборниках архивных источников «Северная Русь» за XVII в. (Вологда, 1971) и XVIII в. (Вологда, 1973). Первый из них сконцентрировал писцовый материал XVII в., разысканный тогда в архивах, по 16 северным уездам. Один раздел книги содержит составленные по описаниям 1620-х гг. списки селений с указанием размеров окладной земли и источниковое

воспроизведение поволостных итогов Тотемского, Устюжского уездов и Кокшенгской чети Важского уезда. Во втором помещены выписи из писцовых книг и общие итоги описаний уездов 1620-х, 1645-го и 1670-х гг. Территориально материалы охватывают обширные области Подвинья, Вятку, Чарондскую округу и Устьянские волости, а также центральные поморские уезды – Сольвычегодский, Устюжский, Тотемский. Они дают представление о системе расселения, динамике развития поселений, видах и размерах земледельческих угодий, поземельном налоговом обложении и т. д.

Второй выпуск «Северная Русь» собрал массовые источники XVIII в. по территории, в основном сопоставимой с представленной в предыдущем выпуске за XVII в. При отборе П. А. Колесников руководствовался их «научной значимостью для изучения аграрной истории России и особенно Русского Севера», а также разными возможностями и вариантами изучения документов в целях познания истории, краеведения, вспомогательных исторических дисциплин¹⁹. В зависимости от источников они были организованы в соответствующие пять разделов. Открывают выпуск документы, характеризующие мобилизации податного населения Севера на трудовые работы в Петербург в 1707–1711 гг. Во втором разделе помещены малопривлекательные на тот момент ландратские переписи за 1710 и 1717 гг. в извлечениях: по Ромашевской волости Кокшенгской чети Важского уезда, Пежемской волости и общий итог по всем Устьянским волостям. Следующую группу источников и соответственно раздел составили Экономические примечания к Генеральному межеванию по отдельным волостям и сводные таблицы результатов по отдельным уездам. Впервые здесь были опубликованы поуездные итоги 2–5 ревизий, напечатанные по сводной ведомости городов (2 и 3 ревизии) и по складным книгам (4 и 5 ревизии) Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний. В последнем разделе (также впервые) изданы уникальные материалы из подворной переписи 1785 г. по Селецкой и Челмохоцкой волостям Архангельской губернии, представляющие собой ответы волостных миров на анкетные вопросы.

Объем источников, жесткие рамки учебного пособия и в немалой степени пропедевтические соображения вынуждали П. А. Колесникова поместить в двух выпусках «Северной Руси» извлечения из писцовых переписных книг и ревизий, итоги по отдельным административным единицам, привести первично суммированные сведения. Тем не менее исследователи, преподаватели, студенты и все интересующиеся этой проблемой получили хотя и разнокачественный, но, подчеркну, первичный источниковый материал, характеризующий две основные со

ставляющие аграрного развития Севера – деревню с ее жителями и сельскохозяйственные угодья.

Изучение северной деревни и миграций поморского населения на всей территории Европейского Севера с конца XVI по начало XVIII в. как демографической составляющей ее хозяйственной жизни потребовало от ученого обращения к однотипным источникам – писцовым и переписным книгам, а также оценки их источниковой возможности. Время, причины, направления миграций, судьбы дворовладельцев прослеживаются по ним. Слабую сторону переписей 1640-х гг. П. А. Колесников видел в том, что они не фиксировали выбытия людей из живущих дворов. Переписи первой четверти XVIII в., не вполне пригодные для определения общей численности населения из-за укрывательства от них, позволяют при текстуальном их использовании получить сведения об убыли жителей из дворов и причинах этого. Колесников подчеркнул источниковую особенность ландратских книг 1710 и 1717 гг., состоявшую в сопоставлении данных на момент переписи с результатом предыдущего описания. Сведения о перемещении людей внутри уездов и о местах их выбытия можно получить только путем тщательного текстуального анализа. Таким же способом извлекаются данные не только о дворовладельцах, но и жителях жилых и пустых дворов. Он также подметил, что писцы и переписчики на месте отступали от инструкций и «примерялись» к местным условиям²⁰.

Писцово-переписной материал П. А. Колесников оценил и с точки зрения составления «родословия деревень и генеалогических изысканий» на протяжении многих поколений. Особенности этих источников – отражение в них географических и демографических сведений через сравнительно непродолжительные промежутки времени, примерно равные средней продолжительности жизни одного поколения, сопоставимость показателей по поселениям и жившим в них крестьянским родам. Используя методику датировки по разным источникам, включая акты, П. А. Колесников убедительно показал существование двух пластов появления поселений. Один, наиболее древний, базировался на приречно-приозерных естественно удобных для земледелия участках; второй, более поздний, находился на отрыве от приречья. Изучение родословий людей, возможное по писцовым и переписным книгам за длительный хронологический период, позволяет, по мнению ученого, получить генеалогии крестьянских и посадских родов и сведения об их деятельности. Вместе с тем такая информация приоткрывает завесу о «соотношении биологического и социального кодов как носителей наследственности», а также способствует «раскрытию системы "человек, общество, природа"»²¹.

Такое обобщение основывается на решении поставленной в начале работы Проблемного объединения задачи по истории сельских селений и разрядов населения. Это направление широко представлено исследованиями Я. Е. Водарского по Вологодскому уезду XVII в. Н. П. Воскобойниковой по Яренскому уезду конца XVI – начала XVIII в. Ю. С. Васильева по Важскому уезду XVII в. и других ученых, а также самого П. А. Колесникова по уездам Центрального Поморья. В итоге 22-летней публикаторской деятельности Северного отделения Археографической комиссии на основе писцовых и переписных книг были получены списки более 10 тысяч северных деревень²².

Работа П. А. Колесникова по выявлению, публикации массовых источников, обработке и осмыслению их материала вылилась в известную монографию «Северная деревня в XV – первой половине XIX века» (Вологда, 1976). Его научная и организационная деятельность, сплотившая многих ученых вокруг Вологодских объединений, отразилась в изданных трудах. Поистине детищем П. А. Колесникова стал коллективный том «История северного крестьянства. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма» (Архангельск, 1984), многотрудный как по организации и координации, так и по изданию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968. С. 3–7.

² Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 3–4.

³ Колесников П. А. О выполнении рекомендаций I конференции и о перспективах работы проблемного объединения // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 6.

⁴ Акты писцового дела. Материалы по истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1, 2. М., 1913, 1917.

⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV–XVI. Л., 1971, 1974, 1978.

⁶ Горская Н. А. Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 57.

⁷ Колпанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI веках // Вопросы аграрной истории... С. 442–462; Он же. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского севера СССР... С. 514–536.

⁸ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970.

⁹ Аграрная история Европейского Севера СССР... С. 23.

¹⁰ Вопросы аграрной истории... С. 453–462.

¹¹ Аграрная история Европейского Севера СССР... С. 519–536 и приложение 1; С. 537–562.

¹² Материалы по истории Европейского Севера СССР... С. 344–352, 375–486.

¹³ Там же. С. 353–374.

¹⁴ Там же. С. 372.

¹⁵ Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 273–277.

¹⁶ Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

¹⁷ Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 355–379.

¹⁸ Колпанев А. И. Вербная книга Паниловской волости 1612 г. // Там же. С. 380–388. Текст вербной книги на с. 388–395.

¹⁹ Колесников П. А. Северная Русь. Вып. 2. Вологда. 1973. С. 9.

²⁰ Колесников П. А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграций поморского населения в XVI – нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда. С. 182–195. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 227–228.

²¹ Колесников П. А. Писцовые книги как источник для датировки письменных упоминаний о деревнях // Тезисы докладов и сообщений III... совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг. Вологда, 1990. С. 40–43.

²² Там же. С. 40.